

Литература

1. Пекарский П. П. История Имп. Академии наук. Т. 1. СПб., 1870.
2. Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. СПб., 1862.
3. История Академии наук СССР. Т. 1. М.-Л., 1958.
4. История Библиотеки Академии наук СССР. 1714–1964. М.-Л., 1964.
5. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПФА РАН). Ф. 3. Оп. 1. Д. 1.
6. Материалы для истории Имп. Академии наук. Т. 1. СПб., 1885.
7. СПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1 (под этим шифром находятся все дела Академической канцелярии).
8. Палаты Академии наук, Библиотеки и Кунсткамеры. СПб., 1741; вторым тиснением: СПб., 1744.
9. Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII в. Л., 1983. № 1300.
10. Bibliothecae Imperialis Petropolitanae. P. 4. Petropoli, 1741.
11. СПФА РАН. Ф. 158. Оп. 1. Д. 1–3.
12. Bibliothecae Imperialis Petropolitanae. P. 1–4. Petropoli, typis Academiae Imperialis Scient., 1741–[1744].
13. Беснятых Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях: Введение. Тексты. Комментарии. Л., 1991.
14. Материалы для истории Имп. Академии наук. Т. 5. СПб., 1889.
15. Материалы для истории Имп. Академии наук. Т. 7. СПб., 1895.
16. Материалы для истории Имп. Академии наук. Т. 8. СПб., 1895.
17. Отдел рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук. 12769. о./2272.

М. Ш. ФАЙНШТЕЙН

ОБЪЕДИНЕНИЕ ДВУХ АКАДЕМИЙ

В первой трети XIX в. основные занятия членов Императорской Академии наук (далее — ИАН) были сосредоточены в области точных и естественных наук. Лишь немногие исследования относились к востоковедению и изучению античности [1, с. 93]. Положение кардинально изменилось к концу 1841 г. — с присоединением Императорской Российской академии (далее — ИРА) к главному научному учреждению страны.

Деятельность ИРА (1783–1841) стала крупным явлением в истории отечественной науки и культуры. В конце XVIII в. отечественная литература, исследования, посвященные русской истории, подготовка словарных изданий находились на подъеме. Между тем гуманитарные исследования в ИАН были представлены в очень слабой степени, тем более в области русистики. Это объяснялось медленным ростом в Академии числа собственно русских ученых, большинство которых, к тому же, были естественниками. В то же время вне стен ИАН ученые все более обращались к вопросам языковедения. За рубежом уже действовали академии, занятые гуманитарными исследованиями (Испания, Италия, Франция). В России такого научного центра еще не было. Потребность в создании гуманитарной академии назрела и с точки зрения державных претензий Екатерины II, желавшей занять подобающее место в европейской культуре.

С самого начала существования ИРА перед ней была поставлена цель — развитие гуманитарных наук и распространение просвещения. Как государственное учреждение она была призвана выражать идеологию имперской власти в области науки и культуры.

Среди знаменитых членов ИРА — самые известные государственные деятели, писатели, поэты, филологи и историки: Е. Р. Дашкова, Г. Р. Державин, Д. И. Фонвизин, М. М. Херасков, М. М. Щербатов, А. А. Нартов, А. С. Шишков, Н. С. Мордвинов, М. М. Сперанский, И. А. Крылов, Н. М. Карамзин, В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, Д. И. Языков, П. А. Вяземский. Членами гуманитарной Академии были выдающиеся русские ученые, занимавшиеся точными и естественными науками, — И. И. Лепехин, А. П. Протасов, С. Я. Румовский, С. К. Котельников, Н. Я. Озерецковский, В. М. Севергин, Я. Д. Захаров, П. А. Загорский. Их обширные знания весьмагодились и в гуманитарной Академии. Торжественное открытие ИРА состоялось 23 октября 1783 г. Ее организатором и первым президентом стала княгиня Е. Р. Дашкова (1783–1796). В своем «Начертании» (1783) она так определила первоочередные задачи Академии: составление нормативного словаря русского языка и русской грамматики [2, с. 427]. Последующие президенты — А. А. Нартов (1801–1813) и адмирал А. С. Шишков (1813–1841), занимавший в 1824–1828 гг. пост министра народного просвещения, — значительно расширили и это поле деятельности ИРА, а также поощряли исследования в области русской и славянских литератур, истории, географии, краеведения. Особый импульс эти занятия получи-

Российская академия. Гравюра Гоберта по рисунку Горностаева. Вторая четверть XIX в.

ли после принятия в 1818 г. Второго академического устава. Его автором был А. С. Шишков [2, с. 460–463]. И все же главным занятием здесь было языкознание.

Е. Р. Дашкова

вили с 1783 по 1794 г. В работе участвовали ученые, писатели, государственные деятели — 49 из 60 членов ИРА. Им активно помогали любители русского слова из многих социальных групп: студенты, офицеры, чиновники, мещане. Сами академики постарались использовать весь опыт существовавшей ранее в России лексикографии, а также неоднократно обращались и к «Словарю Французской Академии». Таким образом, словарь, вообравший в себя почти все пласты «живой» лексики, множество архаизмов и некоторую часть заимствований, стал общенациональным делом. Его важность подчеркивали современники и потомки. Впоследствии не только в России, но и в зарубежных славянских землях ученые использовали опыт первого нормативного словаря русского языка [3, с. 36–38].

Деятельность ИРА началась с работы над первым словарем русского литературного языка. Он должен был показать всему миру, что просвещенная Россия — неотделимая часть европейской цивилизации. Такие словари уже имелись во Франции, Италии, Испании. Словарь в Петербурге должен был подтвердить высокий уровень национальной культуры. Кроме того, состояние языка требовало стандартизации графического обозначения слов — тогда в России писали и печатали, «как говорили и слышали».

Работы по созданию словаря организовала Е. Р. Дашкова. В Академии предпочли составить словопроизводный лексикон — это решило историко-этимологическую проблему: что считать главным, исходным словом гнезда, как выделить корень неясных по своей внутренней форме слов. Словарь гото-

В период президентства А. А. Нартова ИРА продолжала лексикографические разработки. В 1806–1822 гг. ее сотрудники составили и издали азбучный «Словарь Академии Российской», исправив ряд ошибок прежнего этимологического словаря.

С середины 1810-х гг. занятия лексикографией в Академии пошли по направлениям, предусмотренным уставом 1818 г.: этимологическому и азбучному. Первое курировал А. С. Шишков. С 1815 по 1838 г. сам президент опубликовал 8 словарей и глоссариев [4, с. 108–196].

Среди других этимологических словарей, поддержанных и изданных с помощью ИРА — «Русско-французский словарь» (1835–1836) академического переводчика Ф. Рейфа, «Корнеслов русского языка» (1842) Ф. С. Шимкевича, небольшой глоссарий польского ученого С. Б. Линде [4, с. 73–107].

С конца 1820-х гг. Академия начала работы по составлению нового азбучного словаря. Этот словарь в период существования ИРА завершен не был, но его материалы легли в основу «Словаря церковно-славянского и русского языка» (1847), изданного уже Вторым отделением ИАН.

Уставом 1818 г. было предусмотрено создание терминологических словарей. С помощью ИРА было издано 6 словарей такого типа. Отраслевые лексиконы были особенно необходимы в связи с бурным развитием точных и естественных наук, промышленности и военного дела к началу XIX в. — к тому времени собственно русская терминологическая лексика была немногочисленна. Необходимость в словарях такого типа стала очевидной. Поэтому не случайно среди сотрудников ИРА было немало ученых — математиков, естествоиспытателей, минералогов, военных специалистов. В 1795 г. А. С. Шишков издал «Трехязычный морской словарь», за что был

А. А. Нартов

избран действительным членом ИРА. В 1834–1840 гг. Академия опубликовала его новый труд — трехтомный энциклопедический «Морской словарь, содержащий объяснения всех названий, употребляемых в морском искусстве». Эти справочники были настольными книгами в морских учебных заведениях России вплоть до 1917 г.

Замечательный ученый-химик и деятельный член ИРА В. М. Севергин составил и издал «Подробный словарь минералогический» (СПб., 1806–1807), «Словарь химический, содержащий в себе теорию и практику химии» (СПб., 1810–1813), «Руководство к удобнейшему разумению химических книг иностранных, заключающих в себе химические словари, латинско-русский, французско-русский и немецко-русский, по

А. С. Шишков

старинному и новейшему слово-значению» (СПб., 1815). Его коллега, видный деятель народного просвещения, переводчик и ботаник-любитель И. И. Мартынов выпустил в свет «Техно-ботанический словарь» (СПб., 1817) и «Словарь родовых имен растений» (СПб., 1826). Все эти справочники внесли большой вклад в развитие отечественной терминологической лексикографии, способствовали формированию русской технической лексики. До начала XX в. они были незаменимы

ми пособиями для изучающих физику, химию, ботанику, минералогию, морское дело [2, с. 205–207]. Таков был состав словарных работ, предпринятых гуманитарной Академией.

Среди других филологических разработок ИРА были пособия по русской грамматике и словесности, столь необходимые тогда для русской школы. Так, в 1802, 1811, 1819 и 1826 гг. выходила «Российская грамматика» Д. М. и П. И. Соколовых, а в 1831 г. — «Русская грамматика» А. Х. Востокова. Последний труд оставался наиболее важным для школ России — вплоть до 1874 г. Это пособие выдержало 12 изданий [5, с. 79–96].

В начале 1800-х гг. ИРА приступила к изданию учебников по риторике. Их авторами были И. С. Рижский и А. С. Никольский. Составленные ими пособия «Опыт риторики» и «Логика и риторика» неоднократно переиздавались. В средних школах учились по ним вплоть до начала 1840-х гг.

В период президентства А. А. Нартова, а затем и А. С. Шишкова члены Академии стали все активнее заниматься вопросами истории русской и славянских литератур, литературоведческим анализом текстов. Таково, например, исследование А. С. Шишкова знаменитого «Слова о полку Игореве», в течение первой трети XIX в. особенно привлекавшего внимание литературной и научной общественности [6, с. 235–237].

С начала 1830-х гг. ученые в ИРА больше внимания уделяли изучению отечественной истории. Но поначалу занятия историей не были в Академии первостепенными: ей отводили место вспомогательной филологической дисциплины. Правда, среди первого состава членов ИРА уже были известные историки — И. И. Болтин, И. П. Елагин, М. М. Щербатов, А. И. Мусин-Пушкин. Но в Академии все они занимались не историей, а лишь принимали некоторое участие в работах над словопроизводным нормативным словарем, выбирая слова из старинных документов.

Первой исторической публикацией, изданной Академией, стал русский перевод «Летописей Тацита» (1805–1809). Поводом для этого был собственный интерес президента А. А. Нартова, много переводившего античных авторов. При нем же ИРА объявила конкурс на литературные сочинения, посвященные жизни и деятельности персонажей русской истории (Дмитрий Донской, Минин и Пожарский, Петр Великий и др.) [2, с. 223–230].

В то время стремление ввести русскую историю в круг постоянных занятий Академии вполне соотносилось с обостренным интересом русского общества к прошлому страны. Победа в войне с Наполеоном еще более усилила этот интерес. После 1812 г. появилось немало исторических трудов, авторами которых были как члены университетских научных обществ в Москве и Казани, так и некоторые сотрудники ИАН [7, с. 188–189].

Важным событием стала публикация знаменитой «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина (1816–1818). За этот труд его автор в 1818 г. был избран членом ИРА. «История» Карамзина оказала огромное влияние на развитие исторической мысли в стране. Все общество разделилось на его ярких почитателей и не менее яростных критиков [8]. Среди последних наиболее известными оппонентами были профессор Московского университета М. Т. Каченовский, тоже член ИРА, и его последователи («школа скептиков»). Они подвергли сомнению истинность некоторых выводов Н. М. Карамзина, а главное — подлинность древнейших русских источников, на которые опирался в своих исследованиях историк. Сомнению подвергали и время написания Нестором «Главной рукописи». Зато в ИРА придерживались официального «карамзинского» направления в русской историографии. Это было тем более важно, что Устав 1818 г. узаконил исторические исследования как самостоятельное направление академической деятельности. Избрание в 1830-е гг. в ИРА профессиональных историков Д. И. Языкова, С. В. Руссова, К. И. Арсеньева, И. И. Шульгина, П. Г. Буткова и М. П. Погодина способствовало активизации этих исследований.

Их позиции здесь особенно обозначились в 1836–1840-е гг., когда ИРА выступила в защиту подлинности русских летописных памятников. Poleмика

со «скептиками» способствовала появлению в Академии таких работ, как «О древностях России новые толки и разбор их» (1836) С. В. Руссова, «О русских летописях и летописцах до 1240 г.» В. М. Перевощикова (1836), «Алфавитный указатель к трем русским летописям» А. Н. Оленина (1837), «Оборона летописи русской, Несторовой, от навета скептиков» П. Г. Буткова (1840).

В ИРА изучали не только историю Древней Руси. Специалист по XVIII в. К. И. Арсеньев исследовал царствования Екатерины I и Петра II (см., например, [9]). Д. И. Языков опубликовал «записки» двух замечательных авторов конца XVII — начала XVIII вв. И. А. Желябужского и В. А. Нащокина [10; 11], издал серьезный труд по исторической географии конца XVI—XVIII вв. «Книга Большому чертежу, или Древняя карта Российского государства» (1838). В том же году И. И. Шульгин опубликовал книгу «Изображение характера и содержание новой истории». А. Н. Муравьев занимался разработкой истории христианства. В 1840 г. Академия опубликовала его труд «Первые четыре века христианства».

В числе других замечательных деяний ИРА в сфере отечественной истории — помощь в издании известного труда Д. Н. Бантыш-Каменского «Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов» (1840). Он стал значительным вкладом в разработку русской военной истории.

Среди забытых начинаний ИРА в области истории — попытка перевода и издания сочинений средневековых византийских хроник. К этой работе привлекли сторонних специалистов, знающих греческий язык, — преподавателей Петербургского университета, Духовной Академии и Семинарии. К моменту упразднения ИРА «византийский проект» был еще далек от завершения [12, л. 1–29об.]. После 1841 г. эту работу продолжил один из ее участников — С. Ю. Дестунис. Она вышла в свет лишь в 1860 г. благодаря усилиям сына ученого — Л. С. Дестуниса.

Академия поддерживала в занятиях историей сторонних авторов. С 1832 по 1841 г. были рассмотрены присланные из разных городов России 34 рукописи по русской и всеобщей истории, истории церкви. Издание некоторых из них полностью или частично оплатила ИРА. Так, были опубликованы «Ключ к Истории государства Российского» П. М. Строева (1837), «История Восточно-Римской, или Константинопольской империи» купца И. Д. Ертова (1836) [13, л. 1–4; 14, л. 1–2; 15, л. 1–2].

С 1835 по 1841 г. на заседаниях ИРА все чаще обсуждали вопросы русской, немецкой или славянской истории. Просмотр академических «Записок» (протоколов заседаний) показал, что если из 44 заседаний в 1835 г. истории были посвящены 5, то в 1841 г. вопросы истории обсуждали на 31 заседании из 39. Рост исследований в области истории к концу существования ИРА особенно заметен при просмотре ее последнего периодического издания — «Трудов Императорской Российской Академии» — их здесь было подавляющее большинство (более 80%).

Несомненно, ведущее место ИРА занимала в деле развития славяноведения в стране. Сама Академия создавалась в эпоху национального возрождения славянских народов. Деятели науки и культуры из Чехии, Словакии,

Сербии, Хорватии находились под сильным влиянием идей всеславянского единства, обращая свои надежды на Россию. Победа над наполеоновской Францией еще более усилила интерес к общему прошлому — как в России, так и в зарубежном славянстве.

Первые научные связи ИРА и славянских коллег относятся к лету 1784 г., когда хорватский ученый А. Барышевич отправил в Петербург книги, которые положили начало славянской библиотеке в Академии [16, л. 1–3]. В начале XIX в. коллекцию зарубежных изданий здесь пополнили интересные документы из Австрии, Пруссии и Сербии по истории славян*. Присылавшие их ученые на долгие годы стали корреспондентами ИРА. Один из них, И. Добровский, был хорошо знаком с некоторыми русскими учеными — Е. А. Болховитиновым, А. С. Шишковым, А. Х. Востоковым, меценатом Н. П. Румянцевым (см. [18]). С последним президентом ИРА чешский ученый познакомился в 1813 г. в Праге — тогда Шишков возвращался в Россию из военного похода русской армии. Между ними установились тесные научные связи. Они обменивались взглядами на развитие и историю славянских языков и литератур, посылали друг другу книги, в том числе словари. С начала 1820-х гг. эти связи стали регулярнее — в новом Уставе имелся пункт об обширной исследовательской программе по славистике. В Петербург стали приходить послания и от других славянских ученых — хорвата В. Копитара, чехов Й. Юнгмана и Я. Неедлы, польского ученого С. Б. Линде. В 1820 г. Добровский, Неедлы и Линде за свои научные достижения были избраны почетными членами ИРА [19, с. 32].

В своих лингвистических исследованиях И. Добровский постоянно прибегал к сравнительному анализу славянских языков. Это подсказало ему мысль о необходимости создания общеславянского этимологического словаря, план которого он издал в 1813 г. в Праге. Идею такого словаря поддержал Шишков. Он включил специальный пункт о нем в Устав 1818 г. Тогда же Н. Я. Озерецковский и А. Х. Востоков предприняли первые попытки составления словаря такого типа [19, с. 271–288].

Президент понимал, что усилиями двух-трех русских ученых сравнительный словарь составить невозможно. Поэтому А. С. Шишков пригласил для этой работы нескольких славянских ученых, уже занимавшихся этимологическими исследованиями. Переговоры с ними вел П. И. Кеппен, тогда чиновник Министерства народного просвещения, совершивший в 1822–1824 гг. путешествие по странам Центральной Европы. К началу 1830-х гг. определился круг лиц, согласившихся с этим предложением, — чехи В. Ганка и Ф. Челаковский, словак И. П. Шафарик, серб В. Караджич. Однако Николай I, с подозрением относившийся к славянским связям ИРА, не дал согласия на приезд ученых в Петербург. А. С. Шишков предложил всем участникам этого проекта заниматься сбором материала на местах [20]. К концу 1841 г. проект еще не был реализован.

* Так, весной 1806 г. ИРА получила из Лемберга (ныне — г. Львов, Украина) копию грамоты венгерского короля Белы I (XI в.), в которой сообщались сведения о жителях Киевской Руси [17, л. 24].

ИРА постоянно поддерживала усилия славянских ученых в их исследованиях своих языков, литератур и истории. В Чехию, Словакию, Сербию, Хорватию шла финансовая помощь для сбора лингвистического и фольклорного материала, покупки книг и рукописей, издания уже подготовленных трудов. Так были поддержаны словацкий поэт Я. Коллар, чешские ученые В. Ганка, Ф. Челаковский, Й. Юнгман, сербы В. Караджич, Д. Тироль, Л. Милетич и Ф. Павлович, хорват Л. Гай. Академия издала за свой счет известный труд И. П. Шафарика «Славянские древности» в переводе Г. Т. Метлицкого и О. М. Бодянского [5, с. 118].

Петербург субсидировал научные поездки серба В. Караджича по югославянским землям (конец 1820 — первая половина 1830-х гг.) для сбора полевого материала, а также русских ученых Ю. И. Венелина в Валахию и Болгарию (1830) и Н. И. Надеждина в Венгрию и Сербию (1840). В результате этих путешествий были собраны уникальные историко-филологические данные о славянском населении этих регионов, впоследствии с помощью той же Академии большей частью опубликованные [5, с. 119–121].

Такова роль ИРА в создании школы отечественной славистики. Ее помощь позволила славянским ученым осуществить научные изыскания, создать словари, описать и издать памятники национальных культур. Своими трудами в области гуманитарных наук Академия заложила основание будущих школ петербургских филологов, историков и славистов.

Особая заслуга ИРА — помощь начинающим русским литераторам и ученым. Академия активно способствовала и распространению просвещения в стране. В середине 1820-х гг. руководство ИРА выступило с инициативой патриотической реформы народного образования. Практически это выразилось в подготовке и издании русских словарей, грамматик, других пособий для учебных заведений страны. ИРА старалась перенести свое культурное влияние на русскую провинцию — участвовала в создании губернских библиотек в тридцати двух городах России (например, в Архангельске, Пскове, Житомире, Уфе, Симферополе) и безвозмездно передавала книги нуждающимся исследователям [5, с. 195–196].

Новаторской стороной деятельности ИРА была помощь талантливым авторам — крестьянским поэтам и женщинам-писательницам, не имевшим возможности издавать свои труды.

Так благодаря помощи Академии напечатали стихи поэты-крестьяне Е. И. Алипанов, Ф. Н. Слепушкин, М. Суханов, балашовский мещанин С. Мысовский.

Русское общество во многом обязано Академии тем, что в 1836 г. появилось популярнейшее сочинение А. Ишимовой «История России в рассказах для детей», до сих пор читаемая как юными, так и взрослыми. Большую известность получили и другие произведения, поощренные ИРА, — например, «Полезное чтение для детей» Л. А. Ярцевой. Эти книги, неоднократно переизданные, вошли у читающей детворы и родителей в число любимых.

Академия первой из государственных учреждений обратила внимание и помогла обрести свое место в литературе пишущим женщинам — издала

стихи рано умершей семнадцатилетней поэтессы Е. Кульман, чье имя на протяжении двадцати лет вызывало восхищение в России и за рубежом, шестнадцатилетней Е. Шаховой, а также пятнадцатилетней слепой крестьянской девушки из Рязани Д. Анисимовой [5, с. 93–95].

Несомненна заслуга ИРА в историко-географических исследованиях, организации научных поездок по России и за рубеж. Обширна ее издательская деятельность. Среди выпущенных Академией книг — произведения русских и зарубежных авторов (около 150 томов). Особая заслуга ИРА — в публикации периодических изданий, целиком обращенных к научным исследованиям в области филологии и отечественной истории. Поразителен факт предоставления от Академии 60 процентов (400 тыс. руб. серебром) стоимости строительства Николаевской Главной астрономической обсерватории в Пулково [5, с. 96].

Казалось, обширным планам Шишкова в развитии гуманитарных наук, их активном применении на ниве народного просвещения ничто не могло помешать. Имелось, правда, одно обстоятельство, которое держало президента в постоянном напряжении. ИРА «курировала» не только языкознание, но и литературу, которая в те годы была под особым контролем цензуры. Отношение Николая I к русской словесности общеизвестно. Управлять небольшой группой ученых, работавших над словарем, нетрудно. Сложнее обстояло дело с управой на литературу. ИРА не могла заставить повиноваться всю русскую литературу.

Николай I

Сама гуманитарная Академия была для Николая Павловича беспокойным наследством. ИАН уже являлась собранием государственных служащих, занимавшихся изучением «правильных» наук, имевших прикладное, полезное значение. Император предполагал объединить все науки в стенах одной Академии. Дея-

тельность ИРА казалась ему малоэффективной. Если в первые годы ее существования в работах по созданию этимологического словаря принимали участие 49 из общего числа (60) членов, то с 1802 по 1841 г. практической деятельностью занимались не более 10 академиков. Проекты же Шишкова, подкрепленные значительными средствами, казались Николаю I не только бесполезными, но и, порой, опасными (например, создание при Академии Всеславянского научного центра, финансовая помощь славянским ученым)*.

Смерть Шишкова, последовавшая 9 апреля 1841 г., решила судьбу ИРА. Спустя два месяца министр народного просвещения С. С. Уваров представил царю проект создания Императорской Объединенной Академии, которая состояла бы из собственно Академии наук (точные и естественные науки, медицина, науки о земле), Академии русской словесности или Славяно-русской академии (русский язык и словесность, история языка, языки, древнее право и статистика славянских народов) и Академии истории и филологии [21, л. 13–18об.; 22, с. 1117–1123]. Последнюю предполагалось выделить из той части Академии наук, которая занималась классическими языками и историей, а также языками, историей и географией Востока.

Министр был против «безраздельного слияния» академий — это вызвало бы «неизбежные неудобства от разнородности их занятий». Одним из главных недостатков ИРА Уваров считал то, что занятия ее членов всецело были предоставлены их «произвольному досугу». Поэтому необходимо «назначить при ней (новой Академии русской словесности. — М. Ф.) определенное число ординарных академиков с жалованием как в ИАН, которые постоянно трудились бы по плану и для цели академической» [23, л. 36об.–37]. По мнению министра, это уже не «произвол и досуг», а служба.

Уваров считал, что занятия здесь «должно планировать с большей определенностью», чем это фиксировалось в Уставе ИРА 1818 г., например, в сфере изучения «наречий и литератур славянских» [23, л. 12]. Сама ИРА, используя громадные средства для исследований «сторонних ученых», по его мнению, мало что сделала в этом направлении.

У Николая I имелось свое представление о структуре учреждения, куда должна была войти и Российская академия. Уваровское преобразование казалось ему громоздким, требующим значительных средств. Поэтому он сразу же отверг идею трех Академий, считая, что всеми науками можно управлять в пределах одной Академии. Этот вопрос был решен 12 июня — на следующий день после представления министром народного просвещения проекта объединения Академий [23, л. 16об.]. Организовали Комитет нового устройства ИАН для выработки положения о будущем статусе ИРА. От последней в него вошли Д. И. Языков, выполнявший после смерти Шишкова административные функции, и А. Х. Востоков, от Академии наук — ее Непременный секретарь Н. И. Фусс и академик Х. Д. Френ [23, л. 22]. К середине октября 1841 г. Комитет разработал «Положение об Отделении рус-

* С 1818 г. после принятия Второго академического устава бюджет ИРА ежегодно составлял 60 тыс. руб.; 60 процентов от этой суммы в Академии выделяли на издание книг, комплектование академической библиотеки, премирование работ, поступивших на конкурс ИРА.

ского языка и словесности Императорской Академии наук». 19 октября этот документ был утвержден Николаем I [24, с. 853]. Согласно ему ИРА преобразовали во Второе отделение — Отделение русского языка и словесности (далее — ОРЯС) и подчинили президенту ИАН. Количество постоянных сотрудников Отделения сократили ровно в три раза, оставив всего двадцать: шестнадцать ординарных академиков и четыре адъюнкта, которые со временем могли быть избраны экстраординарными академиками. Первых «служилых» академиков назначил Уваров. Из старых членов ИРА ими стали священнослужители: митрополит Московский Филарет (В. М. Дроздов), епископ Вологодский Иннокентий (И. А. Борисов), писатели и ученые К. И. Арсеньев, П. Г. Бутков, А. Х. Востоков, П. А. Вяземский, В. А. Жуковский, М. Т. Каченовский, И. А. Крылов, А. И. Михайловский-Данилевский, В. И. Панаев, П. А. Ширинский-Шихматов, Д. И. Языков. В числе новых были профессора П. А. Плетнев (Санкт-Петербургский университет) и И. И. Давыдов (Московский университет) [25, л. 1–16]. Их научные заслуги в отечественной филологии к тому времени не были общеизвестны. Адъюнктами избрали филолога-классика и историка, профессора Дерптского университета М. П. Розберга, активных участников Археологической комиссии историков — Я. И. Бередникова и П. М. Строева, профессора Московского университета, историка литературы С. П. Шевырева [25, л. 24]. Уже к концу 40-х гг. адъюнктыполнили список академиков.

Все избранные действительные члены в ноябре направили П. А. Ширинскому-Шихматову уведомление о желании участвовать в трудах Академии. Тридцати пяти членам ИРА было присвоено звание почетных членов ОРЯС — это Д. П. Татищев, Я. А. Дружинин, А. А. Писарев, князь А. А. Шаховской, И. М. Муравьев-Апостол, А. А. Прокопович-Антоновский, митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Серафим, архиепископ Тверской и Кашинский Григорий, И. А. Гулянов, П. А. Загорский, Д. С. Чижов, М. Е. Лобанов, И. С. Кочетов, И. Н. Мысловский, А. В. Козадавлев, К. М. Бороздин, П. А. Катенин, М. Н. Загоскин, А. М. Малов, Б. М. Федоров, С. В. Руссов, В. М. Перевощиков, митрополит Киевский и Галицкий Филарет, Д. М. Княжевич, В. Б. Бажанов, А. Н. Муравьев, А. И. Красовский, К. С. Сербинович, Ф. П. Лубянский, И. П. Шульгин, М. Ф. Соловьев, С. Я. Нечаев, Д. И. Соколов, В. И. Григорович, А. С. Норов. Все они — ученые, писатели, министры и чиновники, священнослужители — по мере возможности принимали участие во многих академических начинаниях.

«Положение» особо оговаривало статус всех членов. «Действующих» членов определили как государственных служащих, но без жалования и пенсий. Им вменялось обязательное участие в деятельности Академии — присутствие раз в месяц на Конференции. Почетные члены могли присутствовать на еженедельных заседаниях Отделения и разделять его труды.

Президент ИАН избирал из числа ординарных академиков председательствующего в ОРЯС и представлял его на утверждение министру народного просвещения. Первым председательствующим стал князь П. А. Ширинский-Шихматов [26, с. 66]. Председательствующий должен был планировать за-

нения ОРЯС, ежегодно отчитываться за состояние научных разработок в целом и за труды каждого члена в отдельности. Сфера занятий ОРЯС была определена так: 1) Основательное исследование свойств русского языка, начертание сколь можно простейших и вразумительнейших правил употребления его и издание полного словаря; 2) Изучение славянских наречий в их составе и грамматических формах относительно к языку русскому и составление сравнительного и общего словопроизводного их словаря; 3) Славяно-русская филология вообще и, в особенности, история русской словесности [26, с. 67–69].

Предметом исследований предполагалась и отечественная история. При этом Отделению рекомендовали объединить свои усилия с Археографической комиссией [26, с. 67–69].

Ежегодно каждый «действующий» академик должен был представить в ОРЯС оригинальную статью. С начала 50-х гг. эти работы стали публиковать в периодических изданиях ОРЯС — «Известиях» (1852–1861) и «Собрании статей» (1867–1873)*.

Председательствующий должен был ежегодно представлять министру народного просвещения список академиков, «явивших постоянное усердие и содействие к трудам Отделения». Для них было отведено вознаграждение — 8,5 тыс. руб. серебром в год. На издание трудов ОРЯС было отпущено 4 тыс. руб. (Для сравнения: в ИРА — 22 тыс. руб.)

В традициях ИРА члены Комитета нового устройства ИАН ввели в «Положение» пункт о поощрении в 1 тыс. руб. серебром «молодых русских ученых, посвятивших себя изучению славянских литератур, на издание их трудов и на другие подобные предметы». Впоследствии эта помощь позволила завершить исследования, начатые еще при А. С. Шишкове. В целом же общая сумма ассигнований по сравнению с бюджетом ИРА была сокращена в четыре раза и составила 15,272 тыс. руб. серебром [26, с. 68–69]. Это сокращение существенно отразилось на последующих исследовательских работах и издательской деятельности Отделения.

К концу ноября 1841 г. завершилась передача в ИАН хозяйственного и финансового наследия ИРА, ее архива и библиотеки. Первое заседание ОРЯС состоялось 23 ноября. Председательствующий П. А. Ширинский-Шихматов огласил присутствующим императорский указ, решивший судьбу гуманитарной Академии, ознакомил с «Положением», определил первоочередные направления деятельности. Так блестящая екатерининская Академия окончательно стала департаментом времен Николая I.

Бытует мнение, что причиной упразднения Академии послужила ее бездеятельность в последние десятилетия существования. Направление исследований Шишкова и его сторонников находили ненаучным, его методы уп-

* ИРА издавала пять периодических изданий: «Сочинения и переводы, издаваемые Российской Академией» (1805–1823), «Известия Российской Академии» (1815–1828), «Повременное издание Императорской Российской Академии» (1829–1832), «Краткие записки, издаваемые от Российской Императорской Академии» (1834–1835) и «Труды Императорской Российской Академии» (1840–1842).

правления Академией считали авторитарными. Но это — предвзятый подход. Шишков прекрасно создавал задачи, стоящие перед Академией. Это доказывает обширный план работ, предусмотренных им во Втором академическом уставе. Другое дело, что он не смог воплотить многие пункты своей программы в жизнь или, во всяком случае, завершить их. Именно в этом весь парадокс Шишкова — ученый, твердо стоявший на позициях философской науки XVIII в., консервативный по политическим убеждениям, он пытался осуществить начинания, многие из которых оказались воплощены в жизнь только во второй половине XIX в.

Авторитет Шишкова как руководителя в Академии был бесспорно высок: у многих современников имя его полностью ассоциировалось с самой Академией. В рецензии на смирдинское издание «Сто русских литераторов» (1841) В. Г. Белинский предполагал, что богатая различными начинаниями деятельность Шишкова, определенная Уставом 1818 г., во многом не получила своего завершения из-за чрезвычайно насыщенной академической программы, его стремления объединить под началом Академии слишком разные направления [27, с. 101].

В 1888 г. историк ИРА М. И. Сухомлинов, отмечая положительное в ее деятельности, главной заслугой определил следующее: «Вступление в Российскую Академию сплотило русских ученых в одно целое, открыло перед ними обширное поле для трудов на пользу России и для распространения знаний в русском народе» [2, с. 368, 370, 373]. Он считал ошибочным объединение двух Академий. Сухомлинов был не первым, кто подверг сомнению пользу этого акта. Еще в начале января 1863 г. на страницах «Северной пчелы», когда-то спорившей с ИРА по поводу подлинности летописи Нестора, появилась заметка «Русская Академия». Она была напечатана за подписью «Любитель русской словесности». Автор (возможно, им был историк и статистик А. И. Артемьев) брал под сомнение научную целесообразность реорганизации ИРА. По его мнению, она привела к ослаблению лексикографической деятельности уже в рамках ОРЯС [28, с. 2–5]. Поводом к упреку послужила история с созданием словарей А. Х. Востокова и В. И. Даля и явно незначительная финансовая помощь им от ИАН.

И десятилетия спустя после ликвидации самостоятельности ИРА ощущалось отсутствие настоящего национального центра литературной жизни, подобного Французской академии. Известный публицист и юрист К. К. Арсеньев, почетный член ИАН, отметил печальный юбилей слияния ИРА и ИАН статьей в «Сборнике Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук». Здесь он подчеркнул роль ИРА как литературного центра своей эпохи и предлагал воссоздать ее [29, с. 1–8].

Дальнейшая история ОРЯС ИАН лишь доказала глубину и важность проектов и программ А. С. Шишкова. Вплоть до начала 1920-х гг. ОРЯС выполняло задачи, поставленные адмиралом в 1818 г. Так, в 1847 г. ученые завершили составление и издали «Словарь церковнославянского и русского языка», начатый еще в ИРА. А. Х. Востоков и И. И. Срезневский составляли словари — общеславянский, диалектные, древнерусского языка по идеям

А. С. Шишкова. Их работы привели к серьезным открытиям в истории русского языка. Это направление было продолжено академиками Ф. Ф. Фортунатовым, Я. К. Гротом, И. А. Бодуэном де Куртене, А. А. Шахматовым. Труды их по русскому языкознанию не потеряли своего значения и сегодня [7, с. 578]. В них широко применен сравнительно-исторический метод, всесторонне исследованы проблемы диалектологии русского языка, грамматики и исторической лексикологии. В 1890-х — начале 1900-х гг. ОРЯС продолжило составление и издание очередного академического «Словаря русского языка».

Основная тематика исследований историков в ИРА перешла к их коллегам в ИАН: К. Н. Бестужеву-Рюмину, А. Ф. Бычкову, Н. Ф. Дубровину, В. О. Ключевскому, А. А. Кунику, П. П. Пекарскому, С. М. Соловьеву, Н. К. Шильдеру. Их профессиональные интересы были обращены к самым различным вопросам истории России, особенно первой половины XIX в.

Славистику — наследие ИРА — в ИАН успешно развивали А. Х. Востоков, И. И. Срезневский, В. И. Ламанский, П. А. Лавров, И. В. Ягич. Предметами их занятий были общеславянский этимологический словарь, славянские языки, памятники истории и литературы славянских народов, русско-славянские научные и культурные связи [7, с. 427–440, 581–606].

Гуманитарные экспедиции ИРА, собиравшие полевые материалы для научных работ, были продолжены и значительно расширены в ИАН. Среди них — поездки для сбора лингвистических материалов и материалов по истории России и славянства внутри страны и за рубежом, а также изучение материалов по истории и культуре России в архивах Италии и Франции.

Инициатива А. С. Шишкова по развитию научной периодики была высоко оценена в ИАН. В конце 1850-х — начале 1920-х гг. ОРЯС и Историко-филологическое отделение издавали работы ученых в «Сборниках ОРЯС», «Известиях ОРЯС», «Трудах ОРЯС», «Византийском временнике» и др.

ИАН возобновила и другое шишковское начинание: финансирование внештатных сотрудников — ученых и литераторов, а также денежную поддержку членов семей умерших деятелей науки и литературы. 13 января 1895 г. по инициативе последнего президента ИАН великого князя Константина Константиновича (Романова) была создана «Постоянная комиссия для приема и рассмотрения ходатайств нуждающихся ученых, литераторов и публицистов, а равно их вдов и сирот, о производстве им денежных пособий и пенсий» [30, с. 28–32]. Она оказала помощь десяткам нуждавшихся ученых и литераторов и членам их семей.

В 1899 г. ИАН готовилась к празднованию 100-летия со дня рождения А. С. Пушкина, имя которого было тесно связано с ИРА. Президент, великий князь Константин Константинович содействовал учреждению при ОРЯС Разряда изящной словесности [30, с. 33–35]. Этим августейший президент возродил подобие старой ИРА, возглавил удачный опыт поощрения гуманитарных наук и культуры в России.

Исторический след ИРА достоин дальнейших научных изысканий. Важно было бы исследовать историю ОРЯС и Историко-филологического отделения ИАН как преемников ИРА. Как известно, они продолжили ее

исследовательские программы по филологии, отечественной истории и славистике. Судьба ИРА типична для многих научных учреждений России и в более поздние времена. Возникшая в лоне отечественного Просвещения, она внесла огромный вклад в развитие науки и культуры в конце XVIII — первой половине XIX вв. Сегодня, когда отечественные наука и культура переживают трудные времена, история ИРА являет нам удачный во многом пример государственной научной и культурной политики.

Литература

1. Уставы Академии наук СССР. М., 1974.
2. Сухомлинов М. И. История Российской Академии. Вып. 8. СПб., 1887.
3. Виноградов В. В. Русская наука о русском литературном языке // Уч. зап. МГУ. 1946. Вып. 106 (Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры). Т. 3. Кн. 1.
4. Файнштейн М. Ш. «Усовершенствовать и возвеличить слово наше...» (Словарное дело Российской Академии. 1783–1841). СПб., 1994.
5. Коломинов В. В., Файнштейн М. Ш. Храм муз словесных (Из истории Российской Академии). Л., 1986.
6. Творогов О. В. Шишков А. С. // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 5. СПб., 1995.
7. История Академии наук СССР. Т. II (1803–1917). М.-Л., 1964.
8. Козлов В. П. «История государства Российского» Н. М. Карамзина в оценке современников. М., 1989.
9. Арсеньев К. И. Царствование Петра II. СПб., 1840.
10. Записки Желябужского с 1682 по 2 июля 1709 г. СПб., 1840.
11. Записки Василия Александровича Нащокина. СПб., 1842.
12. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (Далее — СПФА РАН). Ф. 8. Оп. 3-1837. Д. 1.
13. СПФА РАН. Ф. 8. Оп. 3-1837. Д. 17.
14. СПФА РАН. Ф. 8. Оп. 3-1840. Д. 37.
15. СПФА РАН. Ф. 8. Оп. 3-1841. Д. 36.
16. СПФА РАН. Ф. 8. Оп. 3-1784. Д. 12.
17. СПФА РАН. Ф. 8. Оп. 1. Д. 8.
18. Моисеева Г. Н., Крбец М. Н. Иозеф Добровский и Россия. Памятники русской культуры в изучении чешского слависта. Л., 1990.
19. Кочувинский А. А. Адмирал Шишков и канцлер гр. Румянцев. Начальные годы русского славяноведения. Одесса, 1887–1888.
20. Францев В. А. Очерки по истории чешского Возрождения: Русско-чешские ученые связи конца XVIII и первой половины XIX столетия. Варшава, 1902. Приложение. ILVI–ILVII.
21. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 14. Д. 34.
22. Хартанович М. Ф. Николай I и граф С. С. Уваров — реформаторы Академии наук // Вест. РАН. Т. 65. 1995. № 12.
23. РГИА. Ф. 733. Оп. 14. Д. 34.
24. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XVI. Отд. 1. СПб., 1842.
25. СПФА РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 3.
26. Сборник постановлений и распоряжений, относящихся до Императорской Академии наук и подведомственных ей ученых учреждений. СПб., 1889.
27. Белинский В. Г. Полн. собр. соч. : В 16 т. Т. 5. М., 1953.
28. Русская Академия (Отд. отт. из «Северной пчелы»). СПб., 1863.
29. Арсеньев К. К. Российская Академия и Разряд изящной словесности // Сб. ОРЯС. Т. 60. № 4. 1901.
30. Соболев В. С. Августейший президент. Великий князь Константин Константинович во главе Императорской Академии наук. 1889–1915. СПб., 1993.